

Э-БЮЛЛЕТЕНЬ

Ecoalition

САНИТАРНО-ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ АССОЦИАЦИИ ПО ОБРАЩЕНИЮ С ОТХОДАМИ И ВРЕДНЫМИ ВЫБРОСАМИ (СЭАОВ) 16+

№ 11 (55) 01.11.2025 г.

КОЛОНКА
РЕДАКТОРА

15 ноября весь мир отмечает День вторичной переработки

Уважаемые коллеги!

Это не просто дата в календаре, а повод задуматься о будущем, которое мы создаем своими руками каждый день.

Статистика по отходам в России неутешительна. Из 70 миллионов тонн бытового мусора, образующихся каждый год, перерабатывается лишь 4%.

Остальные 96% отправляются на полигоны. Под них ежегодно отчуждается 0,4 миллиона гектаров земель — площадь, равная двум столицам — Москве и Санкт-Петербургу, вместе взятым.

Большая часть того, что лежит в нашем мусорном ведре, — не хлам, а ценное сырье. Пластик, бумага, стекло и металл могут и должны получать вторую жизнь, экономя природные ресурсы и энергию.

Этот день учрежден мировым сообществом не для галочки. Он свидетельствует о пересмотре нашего отношения к потреблению. Сортировка отходов дома, выбор товаров в перерабатываемой упаковке — это не подвиг, а новая норма поведения жителей нашей планеты, которые стремятся сохранить благоприятную экологию на Земле для будущих поколений.

Давайте чтить и воспринимать эту дату как напоминание о необходимости вырабатывать каждому полезные привычки повседневной экологической культуры. Личный вклад каждого, умноженный на миллионы, — единственная сила, способная изменить ситуацию. Ведь чистая планета — не подарок, а результат нашего общего выбора.

Дмитрий ПЕРМИНОВ,
главный редактор «ЭБ»

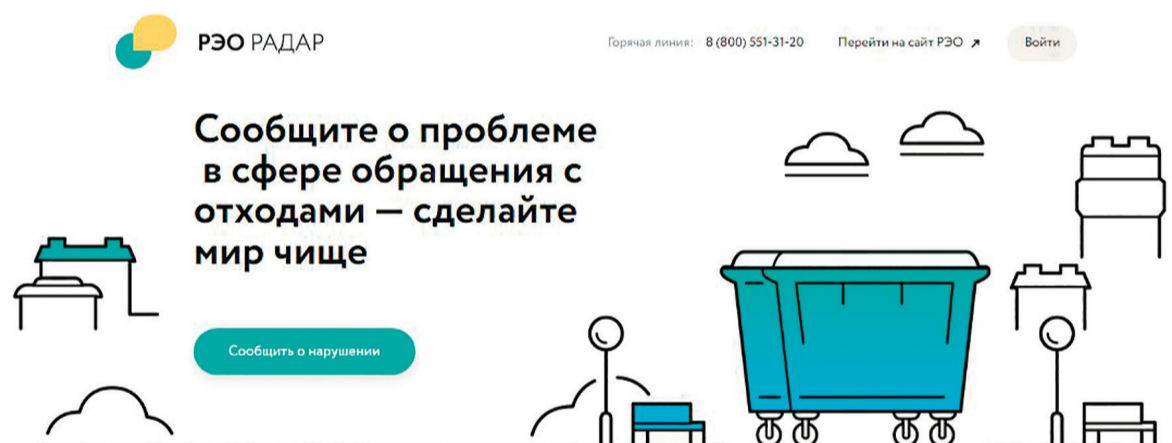
РЭО Радар против стихийных свалок

Сообщить о нарушениях в сфере обращения с отходами теперь доступно в режиме онлайн

Российский экологический оператор запустил специальный сервис РЭО Радар. Через него любой гражданин может направить жалобу о возникновении стихийной свалки, проблемах сбора мусора, сбросах отходов и других актуальных вопросах, связанных с проблемами мусора и сохранением экологии.

С программой РЭО Радар можно ознакомиться на сайте radar.geo.ru/. Сервис будет передавать поступающие сообщения в соответствующие инстанции. К нему привязан телефон горячей линии: 8(800) 551-31-20.

Не трудно предположить, какой вал обращений от граждан обрушится на новый сервис, ведь мусорная реформа в России продолжает буксовать.

1

Сфотографируйте и опишите проблему

Постарайтесь зафиксировать как можно больше подробностей.

2

Заполните форму и отправьте сообщение

Мы передадим информацию ответственной инстанции.

3

Проблема будет взята на контроль

Исполнитель будет держать вас в курсе ситуации.

На что можно пожаловаться?

Стихийная свалка

- Нарушение сбора мусора
- Сброс отходов I класса опасности
- Сброс опасных отходов
- Противозаконная утилизация
- Нарушение деятельности полигонов ТБО
- Неприятный запах
- Нет контейнеров для раздельного сбора мусора
- Другое.
- Несвоевременный вывоз
- Нарушение содержания контейнерной площадки
- Плата за вывоз ТКО

Стихийная свалка

Несанкционированный сброс отходов. Свалки в природных зонах. Стихийная свалка размещается непосредственно на земле, из-за чего отравляет почву, атмосферу, близлежащие водоемы, растительный и животный мир.

Сообщить о нарушении

ПОЛЕЗНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЗОЛЫ

Вариант снижения экологических отчислений для производителей

Интервью с экспертом Верой Перминовой

«ЭБ»: Вера Николаевна, вы являетесь одним из ведущих аналитиков в сфере обращения с медицинскими отходами в России. На ваш профессиональный взгляд, насколько динамично развивается эта отрасль? Мы наблюдаем настоящий технологический прорыв или имеем дело с крайне консервативной средой?

В.Н. ПЕРМИНОВА: Если говорить откровенно, российский рынок утилизации медицинских отходов нельзя назвать ни динамичным, ни технологически прорывным. Это скорее планомерная, эволюционная работа, которая в последние годы значительно ускорилась благодаря изменениям в законодательстве. Если 10—15 лет назад мы наблюдали практически полный вакуум, то сегодня, по крайней мере, сформировались базовые принципы и понимание необходимости профессионального подхода.

«ЭБ»: То есть ключевым драйвером изменений стало именно государственное регулирование?

В.Н. ПЕРМИНОВА: Безусловно. Точкой отсчета можно считать 2012—2014 годы, когда был принят новый СанПиН, кардинально изменивший подход к обращению с медицинскими отходами. До этого, по сути, не существовало ни четкой классификации, ни регламентов. Значительная часть отходов, в том числе эпидемиологически опасных, попросту отправлялась на полигоны ТКО вместе с бытовым мусором. Новые правила законодательно разделили отходы по классам опасности, запретили их захоронение без предварительного обезвреживания и заставили медицинские учреждения искать легальные пути утилизации. Это был мощный импульс для формирования рынка.

«ЭБ»: Как рынок отреагировал на этот вызов?

В.Н. ПЕРМИНОВА: Сначала — осознанием масштабов проблемы. Внезапно выяснилось, что в стране катастрофически не хватает не только мощностей для сжигания, но и самих технологий, адаптированных под российские реалии. Медицинские отходы — это не однородная масса, а сложная смесь из пластика, стекла, органики, текстиля, а иногда и химикатов. Требовались печи, способные стабильно работать на таком переменном составе и обеспечивать экологическую безопасность. За последнее десятилетие мы увидели появление нескольких отечественных разработок, в основном в сегменте средних и малых установок. Но о массовой технологической революции говорить пока рано.

«ЭБ»: Когда мы говорим о сжигании, одна из самых острых тем — это выбросы. Насколько современные технологии позволяют минимизировать воздействие на окружающую среду тех самых «хвостов» из трубы?

В.Н. ПЕРМИНОВА: Это абсолютно правильный и ключевой вопрос. Проблема выбросов — мировая, а не только российская. Сегодня стандартом становятся многоступенчатые системы газоочистки. Если упрощенно, то дымовые газы

проходят через несколько стадий: термическое дожигание для уничтожения органических соединений, система подавления кислотных оксидов, фильтрация через рукавные фильтры тонкой очистки и, часто, адсорбция на угольных фильтрах для улавливания диоксинов и тяжелых металлов. В Европе и Японии такие системы могут включать до восьми последовательных ступеней и составлять до 80—90% стоимости всего комплекса оборудования. Их эффективность очень высока — визуально выбросы практически незаметны. Однако важно подчеркнуть: невидимый выброс — не значит безопасный. Поэтому ключевое значение имеет не только наличие оборудования, но и постоянный мониторинг состава выбросов.

«ЭБ»: Перейдем к другому продукту переработки — золе. Что происходит с ней после сжигания?

В.Н. ПЕРМИНОВА: Здесь важно разделить термины. Сам процесс сжигания — это обезвреживание. А вот дальнейшая работа с золой — это уже вопрос утилизации или захоронения. После сжигания остается зольный остаток, который в зависимости от состава исходных отходов и эффективности работы печи составляет от 3 до 10% от первоначальной массы. По российскому законодательству эта зола почти всегда относится к IV классу опасности (малоопасные отходы). Традиционная практика — направлять ее на специализированные полигоны для захоронения. Это создает дополнительную нагрузку на полигоны и не решает проблемы окончательно.

«ЭБ»: Существуют ли альтернативные пути? Можно ли рассматривать золу как вторичный ресурс?

В.Н. ПЕРМИНОВА: Это перспективное, но сложное направление. Основная идея — инертная, обеззараженная зола может стать компонентом строительных материалов, например в качестве наполнителя для тротуарной плитки, асфальтобетонных смесей или некоторых видов цемента. Было несколько попыток таких проектов, в том числе в Челябинске и Краснодаре. Однако на пути массового внедрения стоит ряд барьеров. Первый — технологический: необходимо гарантировать стабильность состава золы и полное отсутствие в ней опасных компонентов. Второй, не менее важный, — нормативный. Нужно разработывать и согласовывать новые технические условия, получать сложные и дорогостоящие заключения, в том числе санитарно-эпидемиологические. Пока это удалось лишь единицам. Одна из компаний, «БиоТех», в кооперации с «ПИРЕТТА-ТЕХНОЛОГИИ» получила соответствующую лицензию и проводит эксперименты. Но проект еще на стадии внедрения.

«ЭБ»: Насколько экономически оправданы такие сложности? Есть ли здесь реальная финансовая мотивация?

В.Н. ПЕРМИНОВА: Экономика проекта по утилизации золы сегодня носит скорее потенциальный характер. Прямая экономия на транспортных расходах и плате за захоронение при малых объемах не всегда очевидна. Однако есть более серьезный драйвер — это расширенная ответственность производителей (РОП). Фармацевтические компании, производители медицинских изделий обязаны утилизировать свои товары, утратившие потребительские свойства. Наличие у перерабатывающей компании лицензии не просто на обезвреживание, а именно на утилизацию отходов, включая полезное использование золы, — это мощное конкурентное преимущество. Оно позволяет производителям выполнять нормативы РОП и снижать экологические платежи. В долгосрочной перспективе это может сделать переработку более рентабельной и даже привести к снижению конечной стоимости лекарств для потребителя, хотя и незначительному.

«ЭБ»: Каковы, на ваш взгляд, ключевые перспективы отрасли на ближайшие пять лет?

В.Н. ПЕРМИНОВА: Я вижу два основных вектора. Первый — это глубокая модернизация существующих мощностей с упором на экологичность и энергоэффективность. Второй и главный — развитие полноценной утилизации, то есть замыкание жизненного цикла отходов. Речь идет не только о золе, но и об извлечении вторичных материалов, рекуперации энергии. Отрасль постепенно движется от простого уничтожения к комплексному управлению ресурсами. Уверена, что те компании, которые уже сегодня инвестируют в «зеленые» технологии и циркулярные модели, окажутся в выигрыше в недалеком будущем.

Специальный обзор Татьяны Мухиной, эколога, специализирующегося на работе с медицинскими отходами (обзор также размещен в разделе сайта Ассоциации «Законодательство»)

Снова к той же теме: как правильно поступать с обеззараженными медотходами классов Б и В?

С 1 июля 2025 года в Российской Федерации вступили в силу обновленные требования к обращению с медицинскими отходами, которые утверждены Федеральным законом от 08.08.2024 года № 306-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», включая изменения в Федеральный закон от 24.06.1998 года № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» и Федеральный закон от 30.03.1999 года № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения».

Так, статьей 2 Федерального закона от 08.08.2024 года № 306-ФЗ установлены ключевые определения, которые нужны всем сотрудникам медицинской организации, а именно:

- обеззараживание медицинских отходов — действия по дезинфекции медицинских отходов в целях устранения их эпидемиологической опасности;
- обезвреживание медицинских отходов — действия по изменению состава, физических и (или) химических свойств медицинских отходов с применением технологий, обеспечивающих исключение эпидемиологически опасных свойств медицинских отходов, предотвращение их вредного воздействия на здоровье человека.

Понятие «обращение с медицинскими отходами» стало достаточно прозрачным, но медицинские учреждения часто совершают ошибки и неправильно трактуют требования законодательства. Например, не очень ясным является вопрос — КАК ПРАВИЛЬНО ОБРАЩАТЬСЯ С ОБЕЗЗАРАЖЕННЫМИ МЕДОТХОДАМИ КЛАССА Б И В.

Обеззараживание класса В на месте образования является обязательным по всем действующим нормативным документам, и это требование сохраняется в новом законодательстве. Обычно это не очень большие объемы. Но многие медучреждения продолжают обеззараживать на своей территории также весьма значительные объемы класса Б (например, через автоклавирование). И возникает вопрос — куда деть результат обеззараживания.

Варианты тут такие:

- Квалифицировать их как отходы класса А и передать регоператору.
- Сохранить квалификацию «Обеззараженные Б и В» и тоже передать регоператору для размещения на полигоне.
- Квалифицировать их как отход 5 класса, например с кодом ФККО 74784351715, и сдать их на полигон, принимающий отходы с таким кодом.
- Передать на термическое обезвреживание специализированным компаниям этого профиля (с 2026 года такие компании должны числиться в соответствующем реестре согласно 306-ФЗ).

Первые два варианта, увы, неприемлемы. Почему — объясняем далее.

То, что обеззараженные медицинские отходы классов Б и В не относятся к классу А, четко прописано в пункте 3 статьи 22.1 Федерального закона от 30 марта 1999 года № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения», а именно: «медицинские

отходы класса Б, В после обеззараживания не являются отходами класса А».

Большим заблуждением является, что, обеззаразив эпидемиологически опасные (и чрезвычайно опасные) медицинские отходы, последние можно переквалифицировать в другой класс. Это не так. Обеззараженные медотходы классов Б и В — это просто «обеззараженные Б и В», их нельзя относить в иные классы. Законодатель внес в этот вопрос ясность, их свойства НЕ ИЗМЕНЯЮТСЯ настолько, чтобы можно было сменить им классификацию.

Размещение отходов 5 класса (с кодом ФККО) возможно только на полигонах, входящих в ГРОРО, а не на «серых» несанкционированных, и таких полигонов очень мало. (Можно проверить на сайте РПН по коду ФККО)

В частности, они не могут быть переданы на полигон твердых коммунальных отходов или региональному оператору по обращению с твердыми коммунальными отходами!!!

Дополнительно этот вопрос разъяснили недавно появившиеся письма Минприроды № 25—47/34550 от 19.08.2025, а также № 25—47/34562 от 21.08.2025:

«Обеззараживание медицинских отходов класса Б и В не изменяет первоначальных критериев отнесения отходов к данному классу опасности, и, соответственно, указанная категория отходов, вне зависимости от способов и методов обеззараживания отходов, сохраняет свою классификацию.

С учетом изложенного, по мнению Минприроды России, деятельность по обращению с отходами класса Б и В после обеззараживания отходов не относится к компетенции деятельности территориального регионального оператора».

ЧТО БУДЕТ, ЕСЛИ ЭТИМИ ПОЛОЖЕНИЯМИ ПРЕНЕБРЕЧЬ ?

А вот цена попытки вопреки всем санитарным нормам российского законодательства разместить отходы Б и В на полигоне весьма высока. Так, за несоблюдение правил обращения с отходами предусмотрена статья 6.35 КоАП РФ.

Штрафы для юридических лиц составляют до 350 тысяч рублей за первое нарушение и до 550 тысяч рублей при повторном.

Для должностных лиц санкции варьируются от 30 до 60 тысяч рублей.

За действия, приведшие к вреду здоровью или экологии, штрафы увеличиваются до 600 тысяч рублей и могут сопровождаться приостановкой деятельности до 90 суток.

Можно ли в таком случае пойти по третьему варианту — то есть признать отходы не обеззараженными, а обезвреженными, и отнести их, например, к 5-му классу? И уже после этого сдать на полигон?

Действительно, есть вот такой код ФККО, к которому, казалось бы, можно отнести отходы после автоклавирования, если они дополнительно передроблены:

Код ФККО 74784355715 отходы обезвреживания медицинских отходов классов Б и В (кроме биологических) вакуумным автоклавированием насыщенным водяным паром измельченные, компактированные, практически неопасные.

стие на окружающую среду, к объектам I, II, III и IV категорий» медучреждение будет относиться к объекту негативного воздействия (далее — НВОС) и должно быть поставлено на учет в реестре объектов негативного воздействия.

Согласно п. 29 Критериев II категории НВОС, предприятие, осуществляющее деятельность по обеззараживанию и (или) обезвреживанию биологических и (или) медицинских отходов (с проектной мощностью менее 10 тонн в сутки), должно:

- провести инвентаризацию выбросов и отходов;
- разработать и утвердить нормативы образования и лимиты на их размещение;
- разработать проект нормативов допустимых выбросов;
- разработать проект санитарно-защитной зоны;
- производить регулярные замеры воздуха и вносить плату за выбросы;
- сдавать отчетность;
- паспорттировать все образующиеся виды отходов, в том числе после автоклавирования и т.д.

Кроме того, согласно статье 16.1 Федерального закона от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды», при размещении отходов, которые не относятся к ТКО, медучреждение должно вносить плату за негативное воздействие на окружающую среду.

ЧТО БУДЕТ, ЕСЛИ ЭТИМИ ТРЕБОВАНИЯМИ ПРЕНЕБРЕЧЬ И ЭТО ВЫЯВИТ ОЧЕРЕДНАЯ ПРОВЕРКА?

В соответствии с пунктом 7 статьи 16.4 Федерального закона от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» несвоевременное или неполное внесение платы за негативное воздействие на окружающую среду лицами, обязанными вносить плату, влечет за собой уплату пеней размере 1/300 ключевой ставки Банка России, действующей на день уплаты пеней, но не более чем в размере двух десятых процента за каждый день просрочки.

Пени начисляются за каждый календарный день просрочки исполнения обязанности по внесению платы за негативное воздействие на окружающую среду, в том числе квартальных авансовых платежей, начиная со следующего дня после дня окончания соответствующего срока, определенного пунктами 3 и 4 статьи 16.4 Федерального закона от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды».

Плюс к этому, скорее всего, больница будет оштрафована за административное нарушение санитарного и природоохранного законодательства в соответствии со статьями 6.35, 8.2, 8.5, 8.21, 8.41, 8.46, 8.51 КоАП.

Таким образом, мы приходим к однозначному выводу: самый простой и безопасный путь — это четвертый вариант из перечисленных ранее.

Отходы классов Б, В после предварительной обработки передаются только специализированной организации, имеющей разрешительную документацию, оборудование и ресурсы для дальнейшего обезвреживания.

Однако это означает, что медицинская организация устроила у себя ПЛОЩАДКУ ПО ОБЕЗВРЕЖИВАНИЮ МЕДИЦИНСКИХ ОТХОДОВ.

К такой площадке законодательство предъявляет целый ряд требований. Давайте рассмотрим последствия для медицинского учреждения самостоятельного обеззараживания/обезвреживания отходов.

Требования санитарного законодательства РФ

Обеззараживание/обезвреживание медицинских отходов классов Б и В в медучреждениях должно проводиться на специально оборудованных участках по обращению с отходами (п. 211 СанПиН 2.1.3684-21). На участке обращения с МО должна осуществляться мойка и дезинфекция контейнеров и другого оборудования, используемого при обращении с МО (п.п. б п. 211 СанПиН 2.1.3684-21), то есть должно быть специально оборудованное помещение (п.п. в п. 211 СанПиН 2.1.3684-21).

Требования природоохранного законодательства РФ

В силу статьи 69.2 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» и Постановления Правительства Российской Федерации от 31.12.2020 № 2398 «Об утверждении критериев отнесения объектов, оказывающих негативное воздей-

Нина Александровна

(Окончание. Начало в номере 10)

И тут я поняла, что голос исходил от старухи под паранджой. Голос был женский и строгий, вопрос произнесен на чистом русском языке. Я уставилась на этот мешок с сеточкой в верхней части и не могла произнести ни слова. Мешок зашевелился, мне стало страшно, и я поглядела на верхнюю полку, где была Дюльбара. Она спокойно спала. Я немного успокоилась, а из-под покрывала показались старые, костлявые руки. Мне снова стало страшно. Казалось, сама смерть пришла за мной. Но старуха подняла одеяло, и из-под него показалось морщинистое лицо и совершенно седые волосы, убранные на затылок. Нет, так костлявая не выглядит. Я ожидала увидеть восточную религиозную старуху, а передо мной сидела обычная старушка в обычном платье в мелкий белый горошек. Увидев мое крайнее удивление, старуха произнесла: «Ладно, верю, вы просто студентки. Я слышала ваш разговор. Извини, мне приходится скрываться и всех подозревать». Я взяла себя в руки и тихонько спросила: «Вы преступница? В таком возрасте?» Сухой рот разомкнулся и послышался какой-то скрип. Должно быть, это было что-то, подобное смеху. «Нет, я Нина Александровна Коровякова, меня ищут КГБ, ЦРУ, Моссад, Штази и еще всякая сволочь».

«Что же вы такое натворили, да и КГБ уже лет пять как нет, а ЦРУ и прочие причем?» Видимо, мое искреннее удивление убедило Нину Александровну, она тоже успокоилась и сказала: «Ладно, мне надо поесть». Она достала из парусиновой сумки два яйца, две вареные картофелины, соль в спичечном коробке и бутылку с мутной жидкостью, заткнутую плотным свертком газеты. Я подумала, что это кумыс, но по запаху поняла, что это спиртное. Затем она достала складной стаканчик и спросила у меня: «Самогон будешь?» Я отрицательно замотала головой. «Понимаю, — сказала моя попутчица. — А я выпью». Она налила примерно треть стакана и медленно выпила, явно смакуя напиток. Затем стала чистить картофелины и вареные яйца. Медленно разламывая картошину на кусочки, она жевала их деснами из-за отсутствия зубов. «Что, страшна? — спросила она. — А ведь каких-нибудь тридцать лет назад я была красавицей, не хуже тебя. Да ты наверняка слышала обо мне, я — Нина Коровякина». Мне это имя ничего не говорило, и я опять отрицательно покачала головой. «Хотя давно это было. Тебе сколько лет?» Я ответила: «Девятнадцать». Нина Александровна посыпала соль на яйцо и, не раскусывая, положила его в рот. «Ты родилась в семьдесят первом году?» Я окончательно оправилась от неожиданности, а старушка продолжила: «Он еще был жив целый год, Леня умер десятого ноября тысяча девятьсот семьдесят второго года. Во всяком случае, в этот день они объявили о его смерти. Ну, я и не стала ждать, когда меня арестуют, собрала вещи и ушла из дома. Мужа моего они к тому времени уже убили». Я все еще не понимала. Нина Александровна налила себе еще треть стакана и спросила: «Точно не будешь?» Я уже обрела голос и сказала: «Точно не буду, но я ничего не понимаю, какой Леня? Кто кого убил?»

Сделав один большой глоток, Нина Александровна подождала несколько секунд, пока тепло разойдется по ее старому иссушенному телу, и продолжила: «Кто такой Леня? Да Брежнев Леонид Ильич. Генеральный секретарь ЦК КПСС и председатель Президиума Верховного Совета СССР. Я любила его».

Тут у меня стало в голове что-то проясняться. Я видела как-то раз по телевизо-

ру передачу о последних годах жизни Л.И. Брежнева, в ней говорилось о последней любви Генерального Секретаря к медсестре. Имени я не помнила, но сейчас это было и не важно. Передо мной сидела пожилая статная женщина, которую я по ошибке считала старухой, а вслух сказала: «Так это когда было, целых восемнадцать лет назад». Нина Александровна медленно съела вторую картофелину, выпила еще треть стакана и, очистив яйцо, взяла щепотку соли из спичечного коробка и так же, как первое, положила в рот целиком. Потом, подождав немного, прожевала.

За окном была сплошная темнота. Станции мелькали редко, мне стало казаться, что мы несемся сквозь время по волнам памяти Нины Александровны в прошлое. Проглотив пережеванное яйцо, моя попутчица продолжила: «Это для тебя, девочка, давно, а для меня — как вчера. В тысяча девятьсот семидесятом году к Лене меня приставил этот злой гений — Юрий Владимирович Андропов, возглавлявший в то время КГБ. Он хотел, чтобы я стучала на Леню, как все остальные. А я видела, как Леонид Ильич страдает и тяготеет этой работой. Он уже тогда хотел уйти на пенсию, но в планы Андропова это не входило, и он пресекал всяческие разговоры с Брежневым на эту тему. Все хвалили Леню и говорили, что без него Советский Союз рухнет, что все держится только на его авторитете и гениальности. Леня понимал, что от него хотят, и всячески притворялся на камеру слабым и больным, но я-то знала, что он еще очень крепок. Боевой генерал, прошедший войну, в свои шестьдесят не мог быть болезненным. Однако Андропов приставил меня к нему как к нуждающемуся в постоянной помощи. Леня стал брать меня с собой в заграничные командировки, там у него было больше свободы. Я сопровождала его в автомобиле, и мы подолгу разговаривали. Я и сама не знаю, как полюбила его. Сначала жалела, видя, как все окружение его предаст. Леня мне много рассказывал о войне, потом он написал две книги про битву на Малой земле в Новороссийске, говорил о чем угодно, но никогда не говорил о жене. Он называл Викторину Петровну почему-то Витя. Когда я спросила его об этом, он отшутился, сказал, что по привычке молодости и для конспирации. Так получилось, что я сначала жалела его, а потом полюбила. Андропов требовал отчетов о наших разговорах, я ему отказала. Да что я могла ему написать, про поэзию Ахматовой, которую Леня очень любил и многое знал наизусть? Это он разрешил издать томик ее стихов в семьдесят седьмом году. До этого Ахматова была под запретом. По-видимому, Юрия Владимировича именно это вывело из себя окончательно. Он считал, что это под моим влиянием Леонид Ильич разрешил печатать ее... И меня забрали от Брежнева. Но все-таки я была рядом с Леной целых семь лет. Я вспоминаю его каждый день, а этот томик стихов Ахматовой до сих пор со мной».

Она достала из той же сумки аккуратно завернутый в газету небольшой черный томик стихов Ахматовой. Я вспомнила, что у моих родителей был такой же, только в значительно лучшем состоянии, а моя спутница продолжила: «Там карандашные пометки, сделанные Лениной рукой, я храню эту книгу и везде беру с собой. Я хорошо выполняла свои функции. Но одно дело, когда агент в юбке влюбляет объект в себя, другое дело, когда влюбляется сам, и тогда Юрий Владимирович распорядился перевести меня на другую работу. Евгений Иванович Чазов был его личным врачом и долго не соглашался с таким решением. Все, кто имел

доступ к телу Генсека, обладали большей властью, чем предписывала их должность. Он опасался, что расставание со мной может сильно потревожит душевное состояние Леонида Ильича. Меня стали потихоньку отдалять от него. Сначала перестали брать с собой в заграничные командировки, потом, в семьдесят шестом году, мне сообщили, что переводят на работу диетсестрой в спецстоловую при четвертом Главном управлении. Потом вообще уволили. Так я оказалась за бортом жизни, все от меня отвернулось. Муж не случайно погиб в автокатастрофе, но я ни на секунду не пожалела, что была рядом с Леонидом Ильичом. Как мне его сейчас не хватает! Вспоминаю о нем каждый день. Я пострадала за свою любовь, расплатилась карьерой. Моя личная жизнь разрушилась. Конечно, я могла бы озолотиться, издав за границей свои мемуары. Но я не стала торговать чувствами».

«Какие мемуары? — спросила я. — Вы что, писали мемуары?» Нина Александровна достала все из той же сумки толстую тетрадь. «Вот эти, я читаю их каждый день и все еще что-то добавляю. Я любила его, но не была любовницей в обывательском смысле. Проверьте. Тем более сейчас я връть не стану». Нина Александровна опять налила себе самогону. Казалось, алкоголь на нее совсем не действовал. Ее лицо только немного порозовело. «Но, Нина Александровна, вы же могли обратиться к Леониду Ильичу, он ведь умер только в восемьдесят втором. Он был тогда жив еще семь лет».

«Я просила Евгения Ивановича Чазова, он привел меня в парк и сказал, чтобы я ждала здесь, на лавочке. Через час я увидела, как Леню вели под руки двое охранников. Я обомлела, Леня так изменился. Расставание со мной далось ему тоже тяжело, видно было, что он тосковал и очень состарился за эти полгода. И еще, мне показалось, что он был под какими-то препаратами, я попробовала что-то у него спросить, но он очень вяло помахал мне рукой, и его тут же увели. Потом меня стали обвинять, что я якобы посадила его на наркотики и какие-то снотворные. Но это неправда, да и где бы я их взяла? В аптеках их не продавали. Я дала Леониду Ильичу только те лекарства, которые ему прописывал Чазов. А теперь за моими воспоминаниями охотятся помимо различных разведок еще отморозки из разных стран. А когда я услышала по радио о смерти Леонида Ильича Брежнева — утром десятого ноября 1982 года, то не стала дожидаться, когда за мной придут. Взяла с собой томик Ахматовой, тетрадку с моими воспоминаниями и ушла. Я понимала, что меня будут искать, поэтому не взяла с собой документы и выбиралась из города на попутках. Так и доехала до Казахстана. Здесь и в те годы было сто километров до советской власти, а потом, когда Казахстан стал независимым, и вообще обо мне забыли. Сегодня мне показалось, что вы следите за мной. Видимо, страх еще не выветрился во мне».

«А как же вы жили без документов?» — робко спросила я. «Как жила, да нанималась, где не спрашивали документов, на поденную работу. И подолгу нигде не задерживалась. В Джамбуле, сейчас в Таразе устроилась на рынке убирать. Мне здесь немного платили, меня приютил в своей сторожке один добрый человек. Он был фронтовик. Да неважно, как-то жила. Директор рынка после распада СССР и образования независимого Казахстана подарил мне чей-то женский паспорт, вот по нему я сейчас и живу. А теперь еду в Новороссийск. Леонид Ильич не только там долго жил, но и воевал. Говорят, ему там хотят поставить памятник, вот я и собрала все, что скопила за эти годы, и хочу

внести эти деньги в строительство памятника. Сразу после смерти Леонида Ильича Брежнева в его честь переименовали город Набережные Челны в город Брежнев, но уже через шесть лет городу вернули прежнее название. И нигде по Союзу и республикам нет ни одного хоть маломальского памятника этому человеку, стоявшему во главе государства девятнадцать лет. Эта паранджа дает свободу на территории Азии. После Самарканда я ее сниму. Дальше затеряюсь на дорогах России, давно я не выезжала из Казахстана. Ладно, я подремлю, а ты, если интересно, можешь почитать тетрадку с моими воспоминаниями». С этими словами Нина Александровна набросила свое покрывало на лицо, и в вагоне снова слышался только храп и постукивание колес вагона о рельсы.

Я осторожно взяла толстую тетрадь и открыла. Там ровным четким почерком, строго по линейкам, без всяких наклонов и съезжаний строк, без переносов были написаны строки о любви. Я не стала их читать, просто перелистывала. Нашла несколько закладок с листиками разных деревьев и одну фотографию, где был сфотографирован грустный Леонид Ильич Брежнев и улыбающаяся черноволосая и коротко стриженная красивая женщина лет сорока. Безусловно, это была моя новая знакомая. Вскоре пришел проводник с двумя разноцветными флажками на поясе, висевшими как кобура маузера, и сказал, что через десять минут мы прибываем в столицу Узбекистана город Ташкент. Дюльбара сразу откликнулась и как робот-терминатор открыла свои ясные глаза. «Пойдем, — сказала она мне, — а то сейчас пассажиры с мешками забьют весь тамбур», — и пошла к выходу. Я положила тетрадку на столик и уже хотела уйти, но потом развернулась и подумала, что моя попутчица спит и может не увидеть, как кто-нибудь заберет ее реликвию. Я взяла тетрадку в руки и, наклонившись к старушке, хотела засунуть ей в сумку. Но Нина Александровна вдруг сказала мне шепотом: «Спасибо тебе, девочка, что выслушала, я так давно об этом ни с кем не говорила. Ты тоже не рассказывай никому еще лет двадцать. Потом расскажешь, я не хочу, чтобы нас с Леонидом Ильичом склоняли по всем статьям как любовников и наркоманов. И пока еще это опасно. Ты можешь навредить себе».

Я сказала, что обязательно выполню ее просьбу и, попрощавшись, ушла, оставив Нину Александровну с ее реликвиями в вагоне поезда.

На перроне нас встретил жених Дюльбары и ее родители. Нас целую неделю возили по достопримечательностям и вкусно кормили, но свое главное впечатление от поездки я получила еще в дороге.

Прошло двадцать пять лет, даже больше, чем просила меня моя случайная попутчица в поезде где-то в степи между Таразом и Ташкентом. Теперь я со спокойной совестью рассказала вам все как есть, а верить или не верить в эту несчастную любовь могущественного человека и простой медсестры — решать вам.

Ольга Хрисанова
gotikaxxx@rambler.ru